

Kultūras vēsture

ЭТЮД О ДВИНСКЕ

Ф.П. Федоров

В стихотворении «*Роттердамский дневник*» Иосиф Бродский писал: «Города / не люди и не прячутся в подъезде / во время ливня» (Бродский 1990: 47). Городу, в котором мы живем, – 730 лет. Несколько веков он назывался Динабургом; короткое время – Двинском; и вот уже 85 лет на географических картах и в умах он обозначен как Даугавпилс. Были и другие названия. Города, действительно, «не прячутся в подъезде», но меняют «одежду» — имена, и не только имена. Динабург - Двинск - Даугавпилс - город трагической судьбы.

Становление любого социокультурноландшафтного пространства как органической целостности – длительный и – при всех «взрывах» – эволюционный процесс. Какая-нибудь хижина или какой-нибудь дом вырастают из природно-климатической среды и становятся ее неотъемлемыми сегментами. С другой стороны, хижина или дом начинают сразу же «семиотизировать» ландшафт. Пушкин в поэме «Медный всадник» показал, насколько катастрофическим является «взрывное», революционное построение социума, вопреки изначальному смыслу природного пространства. На этой основе и родилась апокалиптическая мифология Петербурга. Созданное в течение столетий социокультурное поле «прорастает» в сознании каждого живущего в нем поколения; оно «прорастает» и в сознании будущих, еще не родившихся поколений; оно образует единое сообщество.

Столь же длительным процессом является и формирование *образа* того или иного социоландшафта, обозначение его на ментальной карте, будь то локальная ментальная карта или общечеловеческая.

Балтийский регион – один из самых катастрофических регионов второго тысячелетия, особенно второй его половины, центр притяжения «геополитических» интересов европейского мира. Может быть, самая трагическая участь выпала на долю восточной части нынешней Латвии и на многоименный город Динабург-Двинск-Даугавпилс. За 700-летнюю историю он пережил пять достаточно самостоятельных, замкнутых периодов, пять различных жизней, и в начале 1990-х годов вступил в шестой период.

Первый период Динабурга – *немецкий* период: основанный в 1275 г. в 250 км от Риги как очередное сооружение крестоносцев на Западной Двине (Даугаве), свидетельствующее об их продвижении на восток, в 1577 г., через три столетия, он был разрушен русскими войсками и перенесен на 18 км вниз по течению реки.

Второй период – польский, длившийся в течение двух веков, до 1772 г; город, сохранив немецкое название, являлся административным центром Инфлантского воеводства, северо-восточного региона Речи Посполитой.

Третий – российский – период начался в 1772 г. в результате первого раздела Польши. На ранней стадии город был дважды сожжен: в 1794 г. - поляками, в 1812 г. – французами. Численность населения, сократившегося вдвое, до 1830-х годов колебалась в пределах 2 тысяч. С 1830-х годов население стало расти, сначала - медленно (1860: 13 300 человек), потом – стремительно (1897: 70 тысяч; 1913: 113 тысяч). Причина демографического взрыва состояла в том, что в 1860-ые годы через Динабург прошли Петербургско-Варшавская и Рижско-Орловская железные дороги и город стал крупнейшим в Прибалтике железнодорожным узлом, центром пересечения северо-южного (точнее: северо-западного) и западно-восточного направлений, важнейшим стратегическим пространством – с точки зрения экономической и военной. Национальный статус предвоенного Двинска был определен, во-первых, чертой оседлости, во-вторых, интенсивным экономическим развитием, что помимо евреев привело в город большое количество русского и белорусского населения с близких территорий. За 140 лет Динабург из польского города стал *еврейско-русским* городом: 56 тысяч евреев (почти 50% всего населения), 42 тысячи русских (37%), 11 тысяч поляков (около 10%); 2 тысячи латышей и 2 тысячи немцев. «Старожильческое» население – немцы, поляки, латыши, русские (староверы) – в результате демографических процессов XIX века в 1913 г. составляло 20,3% населения.

В 1893 году Динабург был переименован в Двинск.

Во время Первой мировой войны Двинск оказался в эпицентре военных действий и был разрушен. В послевоенных описаниях города доминирует мотив смерти. Несколько фрагментов из очерка известного литератора Петра Пильского «Убитые города: Двинск», опубликованного в 1921 г. в газете «Сегодня»:

«Погиб наш Двинск! – говорят двинчане. – Нет Двинска...»

«И правда: он страшен». «Ничего не осталось. Всё вымерло. Разбежалось. Рассеялось. Схоронено.

Ходишь по этим примолкшим, испуганным улицам: да – ничего, кроме печали, безнадежности и молчания! Город стал кладбищем» (Пильский 1990: 32—33).

Подобных свидетельств о послевоенном Двинске и о Латгалии, в частности, о латгальских усадьбах – великое множество.

В результате войны население города сократилось почти на 100 тысяч человек: в 1918 г. оно составляло около 20 тысяч.

И начался **четвертый** - латвийский – период городской истории. В 1920 г. Двинск отошел к Латвийской республике, и новый его статус был закреплён переименованием в Даугавпилс. Город утратил роль крупного железнодорожного и экономического центра – и захирел. Произошли значительные демографические изменения. Из 45 тысяч человек, живших в Даугавпилсе в конце 1930-х годов, 11 тыс., т.е. 25% составляли евреи, 8 100, т.е. 18% – русские. Впервые за всю историю города самым крупным национальным образованием стало латышское население: 15 300 человек, т.е. 34%. В 1939 г. завершился *исход*

немецкого населения, исконного населения с ливонских времен, не только из Даугавпилса, но и из Латвии.

Оккупация Латвии летом 1940 г. положила начало **пятому – советскому – периоду**, разорванному трехлетней немецкой оккупацией (1941–1944). Во время Второй мировой войны Даугавпилс подвергся мощным бомбардировкам, сначала немецким, потом советским, в результате которых было разрушено около 75% городских зданий; территория, примыкающая к железной дороге, была стерта с лица земли. После окончания военных действий летом 1944 г. в Даугавпилсе проживало около 15 тысяч человек, а в 1945 г. – около 23 тысяч. Но с 1950-х годов благодаря «промышленнизации» население стало расти так же стремительно, как во второй половине XIX века, и в 1991 г. составляло около 130 тысяч человек; из них русские 75 500 (58,3%); белорусы – около 11 тыс. (9%); латыши - 16 200 (12,5%). И особый вопрос - еврейское население: против 25% в 1935 г. – 3% или около 2 тысяч в 1959 г.; 1% или около 1400 в 1991 г.; 350-400 человек в настоящее время. По сути дела, с 1913 по 1959 год произошел *исход* еврейского населения, и его определили два фактора: холокост и эмиграция. Даугавпилс стал по преимуществу городом *русским* – с точки зрения национальности, и русскоговорящим – с точки зрения языка. Социокультурное лицо города еще раз изменилось коренным образом.

Шестой – второй латвийский – период начался в августе 1991 года.

История Динабурга - Двинска - Даугавпилса – история, в которой город пять раз начинал свою жизнь с нуля; и не только потому, что он четырежды сгорал дотла, но прежде всего потому, что каждый из его периодов характеризовался тотальной сменой этносов, сменой социокультурного поля, которое, не успев сформироваться, не успев утвердить себя на ментальной карте, погибало.

И здесь немаловажны два обстоятельства:

1. Город всегда формировали *переселенцы* (в том числе и в первый латвийский период, когда этническая структура была создана армейской дивизией и кавалерийским полком, а в 1930-ые годы – дополнительно – мощным десантом чиновников), для которых чрезвычайно значим психологический комплекс чужого пространства, с одной стороны, и, с другой стороны, связанный с ним поведенческий комплекс *покорителя*. Город всегда являлся местом обитания людей без всякой генетической памяти по отношению к этому месту обитания; и это весьма трагический фактор, который не очень ощущаем в Даугавпилсе, но предельно очевиден в Кенигсберге-Калининграде.
2. На всех этапах своего существования город являлся окраинным, пограничным городом, не только с точки зрения государственного образования, но и с точки зрения социо- и этнокультурной. Латгалия и во время Первой республики, и сейчас является дальневосточной латвийской провинцией. Но во время катастрофических событий по причине своей окраинности город оказывался в центре событий, что играло роковую роль в его судьбе. С другой же стороны, окраинность определяла его мультинациональные и мультикультурные ориентиры.

Звездный час Динабург - Двинск переживал с 1860-х годов по 1914 год. Было бы нелепо идеализировать это время, оно было отмечено целым рядом катастрофических событий: 1) мощные очаги польского восстания 1863 г.; 2) русификационная политика Александра III; 3) революционные волнения 1905 г.

Итак, Динабург 1860-х годов. В качестве отправного пункта процитирую описание Динабурга в мемуарной книге П.М.Медведева (1837-1906), известного театрального деятеля, состоявшего в молодости два года (1856-1858) в динабургской театральной труппе. *«Динабург 1856 года был одним из беднейших и грязнейших городов России. Город тогда разделялся на три части: крепость, населенная военным ведомством <...>. Новый Форштадт, населенный преимущественно евреями, литовцами, поляками и немногими русскими. Форштадт имел на главной площади единственную, маленькую, бедную православную церковь, много польских костелов, полицейское управление, нечто вроде гостиного двора, убогую гостиницу (под фирмой «Петербургская»); тут же находились плохонькие с разным товаром магазины. Площадь изображала квадрат, обсаженный редкими, чахлыми деревьями. <...> От площади шли продольные, грязные улицы. Дома деревянные, большую частью неокрашенные лачуги. В лучших домах помещались еврейские школы (молитвенные дома). При полном отсутствии мостовых на улицах стояла невылазная грязь и непросыхаемые лужи. На тротуарах, взамен камня, постланы доски. Город не освещался и ходить в ночное время было не безопасно: ступишь ногой на конец теснины, – получишь удар другим концом». То, что Медведев называет Новым Форштадтом, являлось центром Динабурга. «Старый Форштадт находился в нескольких верстах от Нового. Там большинство жителей были русские раскольники, имели свои молельни. Наружный вид Старого Форштадта напоминал села Нижегородской губернии» (Медведев 1929: 148—150).*

Портрет Динабурга, созданный Медведевым, не вполне точен, но в основных чертах, видимо, справедлив. В панораме городской «убогости» и неблагоустроенности как некие внеочередные данности упомянуты крепость и дамба и лишь одно сооружение удостоено позитивной оценки: *«красивое деревянное здание: это был театр»*. Необходимо сказать несколько слов о каждом из этих сооружений.

Крепость. Строительство началось в 1810 г. по инициативе военного министра и закончилось в 1831 г. Крепость задумана была как ключевой южный форпост на северном петербургском направлении, именно поэтому ей уделяли внимание и Александр I, и Николай I. Внутренняя застройка осуществлена по петербургскому ампириному канону. Крепость – это крупный памятник военной архитектуры начала XIX века.

Дамба длиной в 6 км была построена в 1829-1841 гг.; полифункциональная по назначению, она предназначалась прежде всего для защиты города от наводнений. Был и коннотативный ореол: подобно тому, как «в гранит оделася Нева», в камень «одевалася» Двина (Düna).

Театр был создан усилиями полковника Гагельстрема.

П.М. Медведев пишет: *«Ник. Ив. Гагельстром, в своем роде, был замечательный человек. Он отдал всего себя на пользу искусства. Занимая ответственный*

пост главного инженера крепости, он все свободное время отдавал театру. При своих хороших средствах он поставил театр относительно постановки пьес так, как только обставляются в настоящее время пьесы в императорских театрах. Он беспрестанно ездил в Берлин, Ригу, Петербург и Варшаву заказывать декорации, костюмы, мебель и вообще всю обстановку. Хороший музыкант, он при постановке опер или концертов сам дирижировал оркестром, певцами, устраивал любительские спектакли, в которых непременно участвовал сам» (Медведев 1929: 158). Театральная труппа была классическая провинциальная труппа XIX в. с несколькими, по словам Медведева, замечательными актерами. Ставили классику (Медведев называет Шиллера – «Разбойников» и «Марию Стюарт»), ставили Островского («Доходное место»), ставили в большом количестве драмы, шедшие в столичных театрах, а также водевили-однодневки.

Театр, открытый в 1856 г., был одним из основных, если не основным очагом культуры, противостоящим «убоному» городскому пространству.

1860-ые годы - 1914 год – это эпоха динабургского ренессанса. Эпоха развитой промышленности и не менее развитого образования: 39 учебных заведений, не считая многочисленных хедеров; самые значительные из них – гимназия (1831) [впоследствии - реальное училище] и женская гимназия (1879).

В 1900 г. начинает выходить первая газета — «Двинский листок», в разных модификациях просуществовавшая до 1940 г. С 1877 по 1891 г. печатается «Журнал Динабургской городской думы» – кладезь информации. С 1901 г. издаются справочники о городе и горожанах. В 1913 г. вышло последнее подобное издание под названием «Двинчанин. Календарь-справочник на 1914 год». И всё это — акт городского самосознания. Особо отмечу, что в 1899 г. появились открытки с видами Двинска; до 1918 г. было издано около 100 открыток.

В 1883 г. граф Я.Платер-Зибберг неподалеку от города открыл водокумысную лечебницу, получившую широкую популярность в России.

К 1913 г. в Двинске было три постоянных театра, один – летний, цирк, 4 кинотеатра, 7 библиотек (одна считалась крупнейшей в Витебской губернии).

В связи с этим вернусь к театральной теме. Динабург-Двинск формировался как город театральной культуры. Традиция, заложенная театром Гагельстрома, просуществовала сто лет, её кульминация и финал пришлось на 1950-ые годы, когда волей судьбы в Даугавпилсе оказалась часть труппы известного ленинградского шекспировского театра С.Радлова во главе с самим Радловым. В 1953 г. Радловым был поставлен «Гамлет», явившийся *первой* послевоенной постановкой опальной трагедии.

К 1913 г. по количеству населения, по промышленному и культурному уровню уездный Двинск превосходил губернский Витебск*.

Важнейший фактор духовного воспитания – архитектура пространства. Развитие Динабурга значительно изменило архитектурный облик города. Интенсивное строительство 1860—1900-х годов носит не спонтанный, барочно-

* Фактический материал, касающийся населения и экономическо-культурного развития города, мною использованный, содержится в многочисленных публикациях, как старых, так и современных. См., в частности: Zeids 1992; Динабург, Двинск, Даугавпилс... 1999; Евреи в Даугавпилсе 1993—2005; Заварина 1986; Сапунов 1886; Якуб 1998.

хаотический характер, но в высшей степени «геометризованный». В 1778 г. императрица Екатерина II утвердила план строительства Динабурга; план с его абсолютным «геометризмом» в некотором смысле был ориентирован на план петербургского Васильевского острова; в центре - площадь, а по сторонам 24 квадратных квартала. К воплощению плана в городе приступили с большим опозданием, изменилось местоположение центра, екатерининская схема подверглась коррекции, но от нее сохранилось главное: квадратно-симметричный принцип. В 1820-1830-ые годы был построен ансамбль административных зданий, а в 1835-1840 гг. – здание гимназии. Позднеампирная архитектура этих сооружений была образцом для динабургско-двинской архитектуры до конца XIX века. Но на этом крупное строительство заглохло более, чем на 20 лет. В основу структуризации городского пространства в 1860-ые годы были положены железные дороги и дамба. Границей северной части центра становится Рижско-Орловская железная дорога, её южной параллелью – река и дамба. От железной дороги к дамбе прокладывается семь параллельных улиц. Этот северо-южный ряд пересекается восточно-западным рядом со столь же параллельными по отношению друг к другу улицами; границей центра на востоке является дамба, повернутая от реки почти под прямым углом к виадуку через железную дорогу, за которым она переходила в Петербургское шоссе. На западе – Петербургско-Варшавская железная дорога, которая одновременно являлась границей между центром и крепостью. Но примыкающее к железной дороге пространство было отведено под экспланадное поле. В результате главная площадь оказалась сдвинутой на юго-запад, а городской массив по отношению к площади сдвинут на восток и на север. Но нарушение симметрии по отношению к площади как семантическому центру было компенсировано завершением той квадратной структурированности, которая была начата строительством городского ансамбля и гимназии. При этом отдельные квадраты отводились под сады (скверы) и торговые площади; что вносило в симметричное пространство элемент жизненной асимметрии.

Так окончательно оформился центр города как знак Петербурга, как воплощение идеологической и культурной ориентации, как утверждение оси Динабург - Петербург.

Динабургский житель перемещался в петербургское пространство.

Деревянное строительство в городском центре было запрещено; строились каменно-кирпичные, по преимуществу 2-этажные здания ампирического типа. В конце XIX века в городское пространство вторгается Jugendstil, являющийся своеобразной цитатой Риги. Появляются здания из красного кирпича, крытые черепицей, неоготика, являющаяся тоже свидетельством рижско-германской ориентации.

И здесь необходимо сказать следующее. Философия городского строительства в конце XIX – в начале XX века утверждала единство разнонаправленных национально-культурных сообществ, симметрию городского мироустройства. С точки зрения семиотической в этом отношении показательным является храмовое строительство 1890-1900 годов. На Новостроении, на холме над железной дорогой был построен в 1905 году большой гарнизонный Борисоглебский собор,

возвышающийся над городом, получивший репутацию «самого красивого русского храма Латгалии». По другую стороны Петербургского шоссе в 1892-1893 г. была воздвигнута неоготическая темно красная, кирпичная лютеранская церковь Мартина Лютера. Неподалеку от нее в 1902 г. построен замечательный католический собор Девы Марии (Непорочного Зачатия). Наконец, в 1908 г. примерно в трехстах метрах от Борисоглебского собора закладывается старообрядческая Никольская церковь, самый роскошный старообрядческий храм не только города, но и всего региона. И сейчас, несмотря на поздние застройки, эти четыре храма обозреваются как несомненное единство. В эту систему органично входили еврейские храмы. В Динабурге-Даугавпилсе к 1914 г. было около 40 синагог, самые крупные находились в городском центре: Большая хоральная синагога (1864), погибшая во Второй мировой войне; неподалеку находилась синагога, называвшаяся Колшер Шул (построенная в 1840 г., после Второй мировой войны она превращена в спортивный зал, а сейчас в здании синагоги находится магазин), и рядом с нею в 1850 г. была построена синагога, единственная сохранившаяся в своей первоначальной функции до сих пор – «Кадиш». На Новостроении, где жила семья Ротковичей, было несколько синагог, в том числе Большая Новостроенская синагога (1865).

Мультикультурный разговор велся не только на уровне чистых архитектурных структур: обычным делом являлся симбиоз стилей; это характерно и для жилищного, и для гражданского, и для храмового строительства. В том же Борисоглебском соборе очевидны элементы барочных костелов. А в Никольской церкви, и это самое поразительное, – элементы готики. И т.д.

Динабург – Двинск, как и весь латгальский регион, – это необычайный перекресток культур – польской, еврейской, русской. На стыке XIX–XX веков значимы стали латышский и латгальский факторы. Продолжал сохраняться немецкий акцент, хотя количество немцев с 1897 по 1913 год сократилось вдвое (из 4 тысяч осталось 2 тысячи). Очевидны были языковые и культурные контакты с литовцами. Наконец, в жизни региона немаловажным являлось белорусское присутствие.

В конце XIX – в начале XX века в регионе в целом и в городе в частности сложилось мультинациональное сообщество, ориентированное на полилог. По всей видимости, это и определило демографический казус: казус рождения или пребывания здесь плеяды выдающихся личностей.

В «Краткой еврейской энциклопедии» написано: *«Динабург-Двинск становится <...> одним из центров еврейской традиционной учености»* (КЕЭ 1982: II, 286). Высокий статус города в еврейском мире может быть определен тем фактом, что в нем жило два крупнейших религиозных деятеля мирового масштаба - Иосиф Розин - Рогачевский раввин (1859-1936), глава местных хасидов, «энциклопедия Талмуда», по словам Бялика, «величайшая духовная ценность еврейского народа», и раввин Меир Симха Кац-Каган (1843-1926), глава традиционного иудаизма. В Динабурге во второй половине 1870-ых годов два года учился в русской гимназии Элизер Бен-Иехуда, создатель современного иврита, героическое подвижничество которого мертвый язык возвратило в жизнь. Из Динабурга-Двинска вышло семейство Вовси и самый знаменитый из него

Соломон Михоэлс, великий актер и руководитель Еврейского театра в Москве, великий Король Лир и великий Тевье-Молочник, чью память Даугавпилс почтил в эпоху Атмоды, назвав его именем улицу в центре города. В 1903 г. в Двинске родился Марк Роткович, ставший знаменитым как Марк Ротко, один из лидеров мирового авангарда. А через три года родился Соломон Гершов, из плеяды корифеев живописного авангарда, не покинувший Россию, но познавший тюрьму и концлагерь; и слава его еще впереди. В Двинске началась жизнь Арона Штейнберга (1891-1975), выдающегося мыслителя, одного из создателей Вольфилы, знаменитого философского объединения послереволюционных лет; за 6 лет до Бахтина он высказал идеи о диалогизме Достоевского. Наконец, в 1896 г. родился Яков Гордин, еще один блестящий философ; семья сначала уехала в Петербург, а потом на Запад, жил в Берлине и Париже, писал на немецком и французском языках, умер в Лиссабоне в 1947 г. Из Двинска и предки Иосифа Бродского по материнской линии; в 1905 г. в Двинске родилась Мария Вольперт, мать поэта. Не могу не сказать и о том, что в 1888 г. в Динабурге заключили брак родители Осипа Мандельштама, великого русского поэта XX века.

Город видел на своих улицах Шолом-Алейхема, Бялика, Жаботинского.

На XIX — начало XX века приходится просветительская деятельность графов Платеров. В 1795 году в Дагде родился и в Дагде же в 1875 умер Казимир Буйницкий, плодовитый романист, публицист, автор замечательного по информации «Дневника». Бесценный вклад в изучение истории и культуры Латгалии внесли такие выдающиеся поляки, как Густав Мантейфел (1832-1916) и Болеслав Брежго (1887-1957), чьи труды нуждаются в незамедлительных републикациях и публикациях.

Заречное пространство не относится к Латгалии, и город, там расположенный, не входил в Динабург, но до него рукой подать и он всегда на виду; там с 1875 по 1879 г. в немецкой школе учился Янис Райнис, великий латышский поэт и драматург. В конце XIX века в Динабургской крепости служил штабскапитан Андрейс Пумпурс, создатель «Лачплесиса».

В 1894 г. родился в Лудзе, а с 1897 г. до 1911 г. жил в Двинске, закончил реальное училище один из крупнейших русских писателей XX века Леонид Добычин, автор романа «Город Эн», в котором воссоздан мультинациональный Двинск столетней давности; кстати говоря, в 1998 г. роман был издан в Соединенных Штатах в серии «European Classics», а кроме того этот роман и другие произведения Добычина изданы во Франции, Германии, Голландии, Италии. На православном кладбище могила его отца, слава Богу, сохранившаяся.

Неподалеку, в Режице (нынешнем Резекне) в том же 1894 г. родился и детские годы провел Юрий Тынянов, великий прозаик и великий теоретик и историк литературы, один из лидеров русского формализма, оказавшего фундаментальное влияние на филологическую науку и искусствознание XX века.

В 1870 г. в Креславке (нынешней Краславе) родился, а детские годы провел в Дагде один из крупнейших русских философов XX в. Николай Лосский, автор знаменитой книги «Мир как органическое целое», переведенной на многие европейские языки, изгнанный из России в 1922 г. Позволю себе несколько цитат из «Воспоминаний» Лосского, из первой главы, описывающей дагдское

детство когда, по его словам, и была заложена основа его философской доктрины. Отец Лосского был православным, а мать католичкой.

«Православный храм был от нас далеко, в 27 верстах в Креславке. Впервые я побывал в нем сознательно, лишь когда мне было уже десять лет. Но зато у нас в Дагде был прекрасный каменный католический костел. По воскресеньям мы с матерью <...> ходили туда слушать мессу. Благодаря этим впечатлениям детства и глубокой религиозности матери, мне доступна интимная сторона не только православного, но и католического богослужения». «Импонировала величественная латинская речь. Храм был полон народа, большую часть это были крестьяне и крестьянки из соседних деревень, небольшое количество поляков, остальные — латыши».

«Видное место в укладе жизни нашего местечка и среди впечатлений моего детства занимали евреи. <...> Привлекали к себе своеобразие их быта и наружность, живость характера, интенсивность умственной жизни, наличие духовных интересов вообще. <...> Сильное впечатление производила их страстная, настойчивая молитва в синагоге. Подстрекали любопытство праздники, например, праздник Куцей, когда они жили в шатрах из древесных ветвей». И далее говорится о других еврейских праздниках, поразивших детское воображение - Пасхе, Иом- Кипуре. И вывод: «Отношения у нас с евреями были хорошие...», «...впечатления детства поселили в моей душе симпатии к столь часто гонимому еврейскому народу...» (Лосский 1994: 18-20).

Мир детства, который описывает Лосский, - это единый мир природы и людей, поляков, евреев, русских, латышей, украинцев, немцев, и это мир напряженной духовной жизни, мир любви ко всему существу.

Опыт Латгалии конца XIX – начала XX века – опыт единой жизни, именно поэтому столь замечателен был собранный на этой земле духовный урожай.

Двести лет назад Фр. Шлегель, один из вождей немецкого романтизма, сказал, что «историк – это пророк, смотрящий в прошлое», но это же можно сказать о любом человеке, для которого небезразличны судьбы отечества. В Даугавпилсе регулярно напоминают о его возрасте и устраивают юбилейные торжества. С моей же точки зрения, одной из основных забот как власти, так и общественности, должна быть забота о восстановлении городской истории. Городская история обязана присутствовать в названиях улиц, в памятниках, в мемориальных досках, в других подобного рода знаках. Есть память и есть забвение; память – это жизнь, забвение — смерть; память о прошлом открывает будущее; забвение прошлого лишает каких бы то ни было перспектив и отдельного человека, и города, и страны. В Даугавпилсе должна быть восстановлена память о всех тех народах, которые в нем жили и его строили. И для того, чтобы это произошло, необходимо принять долгосрочную программу, которая осуществлялась бы, несмотря на все смены властей. Это ненормально, когда жители города, молодые и старые, не знают, кто такой Михоэлс, кто такой Пумпурс, кто такой Добычин.

Иосиф Бродский писал:

У всего есть предел:

горизонт — у зрачка, у отчаянья — память...

(Бродский 1990: 34).

Сентябрьские дни 2003 г. прошли в Даугавпилсе под знаком Марка Ротко; до того времени о Ротко знали в Даугавпилсе, а может быть, и в Латвии, человек пятьдесят, а сегодня знают сотни. «Отчаянье» двух-трех энтузиастов пробудило память, но, надо признаться, пробуждению памяти поспособствовали американцы, уже без всякого отчаянья, трезво и деловито. Сентябрьские дни 2003 года стали днями большой радости, днями памяти, днями жизни.

Но отчаянью не может быть предела. Даугавпилс нуждается в отчаянии как в лекарстве, пробуждающем память, а значит, и жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

- Zeids T.
1991 *Senākie rakstītie Latvijas vēstures avoti*. Rīga
- Бродский И.
1990 *Часть речи: Избранные стихи 1962-1989*. Москва: Художественная литература.
- Динабург, Двинск, Даугавпилс...
1999 *Динабург, Двинск, Даугавпилс в истории, культуре, литературе*. Даугавпилс.
- Евреи в Даугавпилсе...
1993-2005 *Евреи в Даугавпилсе. Исторические очерки*. В 4 книгах. Даугавпилс.
- Заварина И.И.
1986 *Русское население восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века*. Рига.
- КЕЭ
1982 *Краткая еврейская энциклопедия*, т. 2. Иерусалим.
- Лосский Н.О.
1994 *Воспоминания: Жизнь и философский путь*. Санкт-Петербург. Изд-во С.-Петербургского ун-та.
- Медведев П.М.
1929 *Воспоминания*. Ленинград: Academia.
- Пильский П.
1999 *Убитые города: Двинск. От Лифляндии - к Латвии: Прибалтика русскими глазами*, ч. II. Рига.
- Сапунов А.
1886 *Инфлянты. Исторические судьбы края, известного под именем Польских Инфлянт*. Витебск.
- Якуб З.
1998 *Даугавпилс в прошлом*. Даугавпилс.

SUMMARY

Etude on Dvinsk

The Baltic region is one of the most catastrophe prone regions of the 2nd millennium, especially its second part; it is the centre of attraction of 'geopolitical' interests of the European world. Probably the most tragic fate has befallen to the eastern part of the present Latvia and its multi-titled town of Dinaburg - Dvinsk - Daugavpils. During its 730 years long history, the town went through five rather autonomous periods of development, five different lives (German, Polish, Russian, Latvian, Soviet), and at the beginning of the 1990s it entered into the 6th period.

The history of Dinaburg - Dvinsk - Daugavpils is the history of five attempts by the town to begin its life anew; and this is determined not only by the fact that the town was four times burned down and had to start life from scratch, but first and foremost because each of these periods was characterized by a total change of ethnos and the socio-cultural field.

The present article deals with the cultural space of the town in one of the most efficient periods of its development - from the 1860s till World War I.

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE

**HUMANITĀRO
ZINĀTŅU
VĒSTNESIS**

2007

12

